

Т. ПАРСОНС, Р.Ф. БЕЙЛЗ, Э.А. ШИЛЗ

РАБОЧИЕ ТЕТРАДИ ПО ТЕОРИИ ДЕЙСТВИЯ*

Глава 2. ТЕОРИЯ СИМВОЛИЗМА В ОТНОШЕНИИ ДЕЙСТВИЯ (Толкуют Парсонс)

Отправной точкой этой статьи является тот факт, что дисциплинам, составляющим теорию действия, явно не удалось развить связную трактовку сути экспрессивного символизма, в отличие от заключенных в нем значений. Мы намерены предложить подход к этой проблеме и показать ее релевантность проблеме генерализации, поскольку это понятие оказалось в центре внимания теории научения.

Уровень, на котором сосредоточен наш непосредственный теоретический интерес к этой проблеме, — уровень культурно паттернированного социального взаимодействия. В этой связи мы уже попытались прояснить (*Социальная система*, глава IX и далее), что отдельный мотивированно-преднамеренный акт в общем и целом необходимо рассматривать как обладающий символической значимостью в экспрессивном смысле по отношению к *установке*, которую он, в интерпретации *alter* и *ego*, «манifestирует».

Следовательно, на этом уровне культурного взаимодействия такие символические акты надо рассматривать как прототипы экспрессивных символов. Другие объекты обретают символическую значимость в экспрессивном смысле через ассоциацию с символическими актами.

Перед нами стоит двоякая задача. Во-первых, надлежит более детально проанализировать способ, посредством которого установка в указанном смысле и ее связи с «выражающими» ее актами выстраиваются из более элементарных компонентов действия в свете более общей теории символизма и ее связей со схемой соотношения действия. Во-вторых, на фоне такого анализа необходимо обратиться к проблемам паттернов генерализации экспрессивного символизма, что прольет некоторый свет на организацию его *содержания*, а не просто на его «субъективные» референции.

Можно для начала принять утверждение Морриса (и, разумеется, многих других), что символ как особый член более широкого класса знаков — это, с точки зрения действия, ситуационный объект, событие или какой-то его аспект, который в некоторых отношениях *ассоциируется* с процессом действия. Слово «ассоциируется» указывает на то, что символический объект или событие не является в данном конкретном контексте *основным* непосредственно значимым целевым объектом (goal-object) или объектом катексиса, хотя в ином контексте такие объекты или события могут быть символическими объектами. Здесь, как и везде, главное — последовательно придерживаться принятых точек отсчета.

Рассматриваемый в таком свете, символ мыслится некоторым образом как «подвешенный между» мотивационным побуждением, или потребностной диспозицией (need-disposition), актора и целевым объектом или состоянием, т.е. теми связями с объектом (объектами) катексиса, которые мотивационно первичны в релевантном процессе действия. Он неизбежно «ассоциируется» с *тем и другим*. Вдобавок к этому, как указывает Моррис, мы, конечно, должны изучить актора, для которого символ значим как когнитивная точка отсчета, т.е. «интерпретатора»¹.

Отсюда следует, что символ *всегда* имеет как «когнитивные», так и «экспрессивные» значения. Различие между когнитивным и экспрессивным символизмом, являющееся столь фундаментальным для теории действия, есть различие в относительной *первичности значимости* этих двух рядов значений, а не различие двух обособленных «видов», если под этим имеется в виду, что компоненты этих двух типов полностью отделены друг от друга.

В когнитивном типе, как мы его здесь интерпретируем, *первичное* смысловое соотношение осуществляется с ситуационным объектным миром; тогда как в экспрессивном типе *первичное* соотношение осуществляется с собственными «мотивациями» или «интенциями» актора, т.е. с тем, что Моррис называет его «диспозицией к реагированию». Однако, несмотря на первичность одного из двух смысловых соотношений, другое также *всегда* присутствует.

Например, в наиболее ясных случаях когнитивной первичности, где доминирует *интерес* актора к решению когнитивной проблемы, мы можем сказать, что мотивационное — или, с точки зрения наших дальнейших целей, «установочное» — значение символического комплекса будет характеризоваться «диспозицией знать» без первичного соотношения с другими потребностно-диспозиционными компонентами мотивационной системы актора.

Такая трактовка символа *в действии* означает, что он не только должен быть «соответствующим» *релевантному объекту или объектам* в терминах культурных стандартов, но и должен одновременно, как экспрессивный символ, *выражать соответствующую установку*. И наоборот, там, где первичность

* Перевод выполнен по изданию: Parsons T., Bales R.F., Shils E.A. Working Papers in the Theory of Action. N.Y.; L., 1953. P. 9–62.

¹ В качестве общей ссылки на эту область см.: Morris Ch. Signs, Language and Behavior. N.Y., 1946.

значения находится на экспрессивной стороне, символ не только должен быть подходящим как выражение установки, которая является ее первичным «референтом», но должен также соответствовать «ситуации», т.е. контексту, в котором имеет место экспрессивная активность; иначе говоря, он должен быть частью символически — «осмысленно» — интегрированной объектной системы, ибо мы помним, что символ всегда *сам является ситуационным объектом*. Это один из аспектов того, что мы имеем в виду под интеграцией системы действия на уровне «значения» (meaning).

Знаковое поведение любого рода (закрывающее в себе «сигналы» или символы, как их понимает Моррис) предполагает некоторую дифференциацию самой элементарной формы системы действия, а также протяженность процесса действия во времени, так что здесь становится релевантным понятие ожидания (и памяти). Согласно самой элементарной парадигме, когнитивная и катексис не дифференцируемы друг от друга иначе как аналитически. Процесс действия *как таковой* есть консумматорный акт, или процесс удовлетворения. Объект узнается как «пригодный для удовлетворяющей связи» и катектируется в одном и том же недифференцированном акте.

Но с дальнейшими дифференциациями системы действия ситуация сама становится дифференцированной в отношении как когнитивного, так и катектического оснований интереса. В экспрессивно релевантном случае имеет место дифференциация между тем, что можно назвать *первичными* объектами катексиса, и другими объектами. Критерием первичного объекта катексиса служит то, что специфическая связь с ним является условием консумматорного процесса удовлетворения. Другие объекты (т.е. события, качества и исполнения объектов) могут тогда приобрести значимость *знаков* в отношении как когнитивного, так и катектического, или экспрессивного, *значения* первичного объекта катексиса. Возьмем самый простой пример. Съедание пищи может рассматриваться как консумматорный акт.

Восприятие запаха пищи во время ее приготовления не является само по себе консумматорным актом в том же смысле. Объект обонятельного восприятия является, исходя из наших целей, не первичным объектом катексиса, а знаком. Он обретает «приятную» коннотацию в силу ассоциации со значением удовлетворения, присущим консумматорному акту. Он *не только означает*, в когнитивном плане, вероятность того, что пищу вскоре можно будет есть, но *само* восприятие знака вызывает «аффективный настрой», пробуждаемый первичным объектом катексиса, или, по крайней мере, какую-то его часть, обладающую тем же «качеством».

Аналогичным образом посредством классического павловского обусловливания другие ситуационные объекты или события могут приобрести то же знаковое значение (sign-meaning), даже если они не имеют «непосредственной» связи с консумматорным актом.

То, что обыкновенно называют когнитивным символизмом, предполагает рассмотрение актора *только* в его способности «познавателя» и «толкователя», а кроме того, предполагает ассоциативную связь между знаком и основным объектом, или «референтом». *Мотивация* интерпретатора некоторым образом «полагается постоянной» и обычно остается неявной. Более того, эта мотивация обладает особым качеством, которое в нашей версии теории действия известно как «аффективная нейтральность», а потому не связывается непосредственно с аффективными оттенками, с которыми обычно имеет дело анализ катексисов. Однако в случае экспрессивной первичности в знаковом отношении значимости этот фактор *невозможно* считать постоянным.

Следовательно, проблема здесь становится более сложной, чем в когнитивном случае. Она должна включать в себя, с одной стороны, базис ассоциативной связи между основным объектом и знаковым объектом, благодаря которой знак может начать «обозначать» (stand for) основной объект. С другой стороны, она должна *также* включать в себя *смысловое соотношение* (meaning reference) с экспрессивной, или доставляющей удовлетворение, значимостью основного объекта, которая «генерализируется» в знаковом объекте.

Следовательно, мы должны сказать, что знаковый объект не только должен ассоциироваться с основным объектом и тем самым в каком-то смысле означать, или обозначать, его в когнитивном аспекте — т.е. что эти два объекта должны иметь в себе «что-то общее», благодаря чему они ассоциируются, или «относятся к одному и тому же», — но и что знаковый объект должен *также катектироваться* во вторичном смысле, т.е. иметь мотивационную значимость для актора, создающую специфическую связь [актора] с ним, причем такую связь, которая в каком-то смысле и в какой-то степени «дает удовлетворение»².

Таким образом, в качестве одного набора компонентов символической связи мы имеем ассоциацию ситуационных объектов, а в качестве другого набора — «перенос катексиса» на знаковый объект, или (наверное, лучше будет сказать так) «разделение катексиса основного объекта» знаковым объектом.

Это предельно простое описание фундаментальной структуры знакового отношения в действии с точки зрения его экспрессивного аспекта, прежде всего, не учитывает двух способов, с помощью которых эти элементарные компоненты организуются в системы более высокого уровня сложности. Это, соответственно, их вовлечение во взаимодействие двух или более акторов и такая организация ориентаций одного актора в отношении множественности катектически значимых объектов, при которой его ориентации образуют организованную систему, а не набор случайных «реакций» на не связанные друг с другом стимулы.

² Такие же по существу соображения применимы и к случаю лишения.

Оба способа неизбежно включены в системы действия на человеческом культурном уровне, и, следовательно, есть доля произвольности в том, который из них будет рассмотрен первым. Но поскольку нас интересует, прежде всего, взаимодействие, начнем с него.

Взаимная зависимость акторов друг от друга в получении необходимых удовлетворений не нуждается в комментариях. Мы будем просто исходить из того, что некоторые акты или качества alter либо прямые и непосредственные инструментальные следствия таких актов конституируют консумматорные процессы удовлетворения его. В этом смысле *нечто*, относящееся к alter, является *первичным* объектом катексиса для его, равно как и наоборот.

Первым существенным моментом в этом случае является *зависимость* (contingency) удовлетворения его от действия alter, вторым — *интерпретация* его этой контингентности, и, разумеется, *vice versa* в обоих пунктах. Прежде всего [необходимо сказать, что] контингентность может быть значимой, только если действие ориентировано на ожидания и тем самым в систему ожиданий встраивается в некотором смысле элемент неопределенности.

Иначе говоря, удовлетворение его должно зависеть от того, что alter *может или не может сделать*; если бы то, что он сделает, было совершенно определенным, те типы проблемы смысла, которые мы имеем в виду, никогда не могли бы возникнуть. Это может быть вопрос физического присутствия или отсутствия alter в такие-то времена в таких-то местах либо вопрос различных исполнений в присутствии его или по отношению к его. Главное здесь состоит в следующем: то, «делает» alter нечто или не «делает» либо «как» он это делает, создает для его *различие* с точки зрения удовлетворения; и в системе ожиданий его имеется, по крайней мере, *возможность* того, что alter не сделает этого или сделает это не так, как надо.

Можно сказать, что в присутствии неопределенности, в этом смысле, его по самой природе вещей будет проявлять как когнитивный, так и аффективный «интерес» к *знакам*, которые могут указывать на то, какая из возможностей, заложенных в ситуации, скорее всего, осуществится. А так как различия между возможностями интерпретируются как зависящие от чего-то, что делает alter, то интерес естественным образом сосредоточивается на знаках того, что alter вероятнее всего будет делать.

Это подводит ко второму моменту, а именно к интерпретации его *смысла* (meaning) того, что делает alter, как в первичном контексте катексиса, так и в знаковом контексте. В первом случае «проблема смысла» ставится, прежде всего, *различием* между альтернативными специфическими отношениями между его и alter или прямыми последствиями таких отношений, поскольку это различие значимо в плане удовлетворения; во втором случае проблему ставит *индикация* вероятности или возможности различия.

Между тем, знаковый процесс уже предполагает *некоторую* генерализацию. Объект уже не всегда значим для его *только* в терминах [присущих ему]

возможностей прямого консумматорного удовлетворения или лишения, но он *также* обозначает и разные вероятности удовлетворения или лишения от иных, нежели он, объектов. Но если эта генерализация существует для его, она должна существовать также для alter, и возникает вопрос о том, как соответствующие их генерализации друг с другом сцепляются. Иными словами, являются ли значения знаков, в их экспрессивной значимости, «частными» для каждого актора или существует такая вещь, как *общее* значение; а если последнее есть, то от каких условий оно зависит?

Что касается когнитивного аспекта, то здесь все довольно понятно: когнитивная всегда является *компонентом* конкретного экспрессивного знака или символа. Важным моментом является то, что «перцепция» одного и того же знака должна «указывать» на одно и то же свойство или свойства одного и того же обозначаемого объекта или класса объектов в данном «контексте» и т.д. Экспрессивный случай предполагает дальнейшие усложнения, на которые мы уже ссылались, а именно: знаковый объект не *только* когнитивно связывается с обозначаемым, или референтом, но и катектическая значимость первичного объекта катексиса, *генерализуясь, переносится на знаковый объект*, который приобретает тем самым вторичный катексис.

Следовательно, на этом уровне состояние знакового объекта, имеющего общую значимость как для его, так и для alter, таково, что он должен иметь первичный или вторичный катексис для обоих таким образом, чтобы каждый мог «чувствовать» его значимость для другого. Он должен пробуждать либо *одни и те же* чувства, т.е. ожидания удовлетворения или лишения, либо *по крайней мере комплементарные* чувства в обоих; он должен, иначе говоря, катектироваться такими способами, которые интегрировались бы с мотивационной системой каждого в соотношении с мотивационной системой другого.

Теперь мы можем ввести еще одно обобщение, или постулат. Он состоит в том, что два или более объекта, которые катектируются с одним и тем же *качеством*, имеющим катектическую значимость, и которые в экспрессивных терминах имеют для его один и тот же порядок значения, будут стремиться символически ассоциироваться друг с другом. Тогда катексис знакового объекта будет иметь тенденцию генерализоваться и переноситься на катексис лиц, с ним ассоциированных. Если знаковый объект — а это самый важный для нас случай — сам является исполнением, то катексис этого исполнения будет иметь тенденцию *генерализоваться и переноситься на alter*, поскольку последний интерпретируется как актор, т.е. как социальный объект, который толкуется как «ответственный» за катектированное знаковое исполнение.

Решающее значение здесь имеет взаимность интерактивного процесса. Иными словами, поскольку какое-то из исполнений его является «выражением» его мотивации и поскольку оно может быть проинтерпретировано им самим или alter как экспрессивный знак, или символ, относящийся к этой

мотивации, то об его можно в некотором смысле сказать, что он «экстернализует» свою мотивацию. Это верно в двух смыслах.

Во-первых, его «оказывает воздействие» на ситуацию, чтобы привести ее в большее соответствие с его мотивационными потребностными диспозициями. Это целедостиженческий аспект исполнения.

Но, во-вторых, в то же самое время и теми же самыми актами его «обозначает» свои мотивации, «дает им выражение» в том смысле, что выдает самому себе и alter «видимый знак» того, чего он хочет или не хочет, к чему стремится или чего пытается избежать. Если смотреть под этим углом зрения, условие набора *общих* экспрессивных символов состоит в том, что генерализация катектической значимости должна распространиться в *обоих* направлениях на мотивационные системы *как* его, *так и* alter, таким образом, чтобы значения соответствовали друг другу.

Любой данный актер, как нам хорошо известно, выступает в процессе взаимодействия в двойном качестве. С одной стороны, он — ориентирующаяся, мотивированная сущность, «тот, который действует», тот, кто чего-то хочет, совершает выборы и т.д. С другой стороны, он — *объект* ориентации как для самого себя, так и для alter.

Но тогда одним из аспектов актора *как объекта*, или того, что мы называем социальным объектом, *всегда* должен быть автор исполнений, а стало быть, тот, кто имеет мотивации, в качестве экспрессивных знаков которых интерпретируются исполнения. К тому же в отношении одного и того же социального объекта должен быть способ различения того, *какие* исполнения и их свойства являются адекватными знаками данных типов мотивации, а какие нерелевантны этому контексту значимости, а также какие качества являются релевантными «исполнительными способностями», а какие не являются.

Следовательно, социальный объект — и как объект первичного катексиса, и как автор экспрессивных знаков — должен быть подразделен на аспекты, релевантные для мотивационной интерпретации и нерелевантные для нее. Это известная типовая переменная аскрипции—достижения, взятая в ее более элементарном контексте качества—исполнения³.

Интерпретация исполнения или его последствия как экспрессивного, т.е. выражающего мотивацию автора, и, следовательно, как знака — всего лишь иной способ сказать о том, что это исполнение связано с «намерениями» автора. Другими словами, сказать, что акт alter может быть проинтерпретирован как экспрессивный знак, относящийся к мотивации alter, и сказать, что alter «намеревается сделать это» и/или вызвать релевантное последствие, *суть* два способа сказать одно и то же.

³ Термины «качество—исполнение» обычно употребляются в этих тетрадах благодаря их более общим коннотациям.

Во взаимодействии, стало быть, каждое исполнение имеет два аспекта, тот или другой из которых может быть первичным. С одной стороны, это акт, ориентированный на оптимизацию баланса удовлетворения—лишения его; это можно назвать его «непосредственной» значимостью. С другой стороны, это знак, который может быть ориентирован на передачу сообщения alter (или самому его) и который в более развитых случаях *символизирует* мотивационное намерение автора.

Во взаимодействии эти аспекты очень тесно связаны, так как его только посредством коммуникации с alter может влиять на мотивации alter в направлении, благоприятном для своих удовлетворений. А стало быть, первичной непосредственной значимостью данного исполнения может быть сама коммуникация с alter; непосредственная значимость и символическая значимость в этом случае совпадают.

Нельзя забывать, что когда мы говорим о коммуникации, в ней всегда имеется когнитивный компонент, однако отличительной чертой экспрессивного символизма является передача им «аффекта», или «чувства». В силу того, что экспрессивный знак, особенно знаковое исполнение, имеет *и* для его, *и* для alter как когнитивное, так и катектическое значение, его «интерпретация» его является не только его когнитивным «пониманием», но и «пробуждением» в его чувства, соответствующего мотивации alter при выполнении акта.

Решающее значение имеет то, что передается *не только понимание мотивов* в когнитивном смысле, но и *обособность аффективных значений*. Лишь поскольку это так, мы вправе говорить собственно об *экспрессивном* символизме. Но поскольку знак является объектом и когниция всегда присутствует как часть процесса действия, знаковый объект *также* всегда интерпретируется в когнитивных терминах на предмет его когнитивного значения, относящегося к его автору как объекту, которое по самой своей природе должно *включать* его мотивы. В этом вопросе очень легко запутаться.

«Конвенции» символической системы должны соблюдаться; только тогда будет возможна эффективная коммуникация, как, например, в случае языка. Нельзя произвольно придать экспрессивному акту «любое старое значение» и все же быть понятым. Значения закрепляются в интеракционном процессе, и попытки переопределить их разрушительны для стабильности взаимодействия.

Так, когда два паренька «бузят», мы могли бы сказать, что удар, превосходящий некоторый уровень интенсивности, устанавливается как «агрессивный акт», в то время как удар, не доходящий до этого уровня, может быть дружеским «баловством». Мальчик, нарушивший эту границу и слишком сильно ударивший своего партнера, может «рассердить» его, даже если это не входило в его намерения (хотя в конкретном случае может, конечно, присутствовать неосознанный агрессивный мотив), так как он нарушил установленную конвенцию экспрессивного значения акта. Нормальной реакцией на такой смысловой сдвиг является *вменение интенции* актору: «Ударив меня так

сильно, ты, должно быть, *собирался* меня обидеть». Поскольку первичностью обладают экспрессивно-коммуникативные функции символических процессов, генерализация нормативных требований системы экспрессивных символов устанавливает оценочные стандарты.

Мы увидим, что с точки зрения оценочных стандартов на культурном уровне эта организация экспрессивных символов не является просто «внешней» для актора, но становится благодаря «интернализации» составной частью его личностной структуры.

Теперь можно перейти к проблеме организации экспрессивных символов в системе ориентации индивидуального актора. С одной точки зрения на эту проблему можно взглянуть как на проблему того, чем конституируется катексис *объекта*. Фрейд совершенно верно указывал, что объектный катексис в смысле «любви» нельзя рассматривать как простое явление и что он развивается лишь как результат сложного процесса.

Распространено мнение, что существуют элементарные удовлетворения «первичных» влечений. Так, ни один человеческий младенец и ни одно другое животное не могут выжить без пищи, и лишение пищи, вышедшее за некоторые пределы, наверняка конституирует «страдание», независимо от того бы то ни было процесса научения.

Однако в терминах приведенной выше элементарной парадигмы экспрессивного символизма значимым объектом элементарнейшего побуждения голода является не «мать», а прежде всего сам пищевой объект, например молоко, и уже потом сосок как непосредственный источник молока. Младенец имеет и другие первичные влечения, т.е. входит в состояния, когда становится настоящим некоторое переупорядочение его связи с ситуацией, например, с точки зрения тепла, безопасности и т.д.

Но, как хорошо известно, нет оснований считать, что объектный мир, содержащий объекты катексиса для этих побуждений, «структурирован» для младенца так же, как и для взрослого. О младенце нельзя сказать, что он «любит свою мать» по причине того, что она является важнейшим источником этих первичных удовлетворений, ибо, строго говоря, *матери* как объекта для младенца еще не существует.

Реконструкция процесса, посредством которого она становится таким объектом, — дело рискованное. Однако мы можем изложить наш теоретический аргумент в таких терминах. Удовлетворение первичных влечений происходит во времени.

Следовательно, консумматорным актам предшествуют события, которые могут служить знаками грядущего удовлетворения, и, разумеется, это всегда происходит в некотором контексте. Мать как *агент* этих удовлетворений есть явная генерализация, получаемая из последовательности событий, ведущих к консумматорным актам, и из контекста, в котором они происходят.

Согласно установленным выше принципам, мы можем, следовательно, предположить, что различные акты матери, предваряющие кормление, насколько они наблюдаемы для младенца, и черты матери как организма во время кормления, например, грудь, руки, держащие дитя, и т.д., становятся *знаками*, которые приобретают вторичный катексис по отношению к первичным пищевым объектам.

То же самое будет верно и для других процессов удовлетворения, в связи с которыми младенец, как мы обычно говорим, «зависит» от матери. Процессы генерализации, о которых идет речь, будут, стало быть, не только приводить к выстраиванию комплекса знаков и символов в отношении каждой первичной потребности в удовлетворении и тех процессов и объектов, которые начинают символически ассоциироваться с консумматорными актами. Но вместе с тем будет возникать и некоторого рода интеграция этого комплекса *в связи с общим авторством значимых актов* и в связи с тем фактом, что наблюдаемые качества актов и организма матери соединяются как принадлежащие *одному* объекту. Таким образом, мать как единичный объект — это не только та, которая кормит, но и та, которая моет, согревает и т.д.

Из приведенной выше трактовки аффективной генерализации следует, что поскольку общая тональность удовлетворения соединяется с различными актами и качествами и их символами, независимо от разнообразия отдельных исходных первичных объектов катексиса, то они могут сформировать комплекс взаимно символических [относительно друг друга] компонентов. Кормление, стало быть, символически ассоциируется с мытьем и защитой, и наоборот.

Когда мы говорим о привязанности к «матери», отличной от потребности или желания быть накормленным, согретым и т.д., мы, предположительно, имеем при этом в виду генерализованную *систему* ожидания ассоциированных удовлетворений, а также катексис символических качеств и исполнений, ассоциированных с удовлетворением, организующийся относительно объекта этой ситуации — матери. *Установка* по отношению к матери как единичному объекту должна, следовательно, рассматриваться психологически как сложная, организованная *система*, благодаря которой различные дискретные качества и исполнения матери символически генерализируются относительно друг друга.

На этом уровне различие, проведенное нами выше между первичным объектом катексиса и символическим, или знаковым объектом, в какой-то мере перестает внутри этого организованного комплекса быть значимым, кроме как для специальных целей анализа. Мы имеем дело с системой, которая, будучи системой, как мы можем предположить, имеет свойства поддержания границ. В некотором смысле, эта система катектируется *как система*, а ее компоненты — как компоненты этой системы.

Из приведенного анализа релевантных аспектов взаимодействия следует также, что первичной осью организации этой системы взаимно символи-

ческих исполнений и качеств матери-объекта будут способы, которыми эти исполнения интерпретируются как выражения *интенций* матери, а другие качества ассоциируются с этими интенциями. Только когда выстраивается такой набор символов, относящихся к тому, что интерпретируется как ее интенции, между матерью и ребенком может установиться в высокой степени генерализованная система коммуникации на экспрессивных уровнях.

Теперь мы должны вспомнить, что такая система символов имеет нормативный аспект. Не только должно быть усвоено «значение» символов, но и коммуникация, и контингентные удовлетворения зависят от *надлежащего* их использования, т.е. от поддержания конформности *стандартам системы*. По сути, именно эта ориентация на стандарты оказывается первичным источником свойств системы, связанных с сохранением ее границ. Иначе говоря, действие *контролируется* в соответствии с рядом шаблонных (pattern) свойств системы.

Данный нормативный компонент — не только условие функционирования этой системы как системы, но также и источник фундаментально важного элемента гибкости в таких системах. Символическая генерализация означает катексис *всех* объектных компонентов системы как возбуждающих одно и то же аффективное качество тональности. В границах, установленных внутренними потребностями его в удовлетворении, имеется, стало быть, возможность замены одного объекта другим и даже выведения некоторых объектов из системы и включения в нее новых. В некоторой степени, которую нельзя эмпирически принимать как самоочевидную, новые объекты, или переносы катексиса внутри системы, могут быть «эквивалентами» исходных катексисов.

Другими словами, система может поддерживать стабильность посредством процессов изменения в ее «объектном содержании» и распределения катексисов между образующими ее объектными элементами. Этот способ организации экспрессивных символов может, стало быть, иметь фундаментальную функцию в процессе социализации, ведь именно за счет включения новых объектов в символическую интеграцию экспрессивной системы становится возможным научение катектированию новых объектов, и наоборот, старые объекты могут без излишних нарушений отвергаться, а новые занимать их место до тех пор, пока сама катектическая система не дезорганизуется. Это, по-видимому, очень фундаментальный аспект нормального механизма замещения, а нарушения равновесия такой системы, в свою очередь, конституируют существенные аспекты механизмов вытеснения и проекции.

Чтобы обладать свойствами, которые мы атрибутировали катексису того, что в этом смысле является «комплексным» объектом — т.е. объектом, в связи с которым существуют множественность первичных катексисов и комплекс экспрессивного символизма, — система экспрессивных значений должна быть организована или «паттернирована» в двух смыслах. Во-первых, символические объекты в отношении своих экспрессивных значений *не могут быть случайным набором*, но должны конституировать символически значи-

мую систему. Во-вторых, эти паттерны должны иметь нормативный аспект, или, иначе говоря, должны в значительной степени быть паттернами *ценностной ориентации*.

Если не терять из виду этих соображений, то оказывается, что мы таким путем пришли к интерпретации одновременно того, что мы имеем в виду под *интернализацией* паттернов ценностной ориентации, и того, что мы имеем в виду под *установкой* социального объекта как первичным средоточием (focus) катектической значимости этого объекта в личности и в интеракционном процессе. Это, в сущности, два аспекта одного и того же.

Под интернализацией паттерна ценностной ориентации мы *имеем в виду*, что в ориентации на данный аспект или «сектор» ситуации строится система взаимно символических объектных значимостей, в рамках которой *отношения* между символически значимыми объектами, с одной стороны, и между катектическими значениями объектов, с другой, соответствуют паттернам организации, которые структурно конститутивны и нормативны в одно и то же время.

Иначе говоря, паттерн интернализируется в той мере, в какой он генерализирует отношения либо между объектами, которые в экспрессивном смысле являются взаимно символическими объектами, либо между катектическими значениями этих объектов, либо между теми и другими. Такой паттерн является *паттерном организации* катектируемой системы символически значимых элементарных объектов и их экспрессивных значений.

Подобная генерализация означает, что *отдельный* объект не может быть сегрегирован от системы, частью которой он является, и что, следовательно, новые объекты должны «встроиться» в паттерн системы, а старые объекты обладают некоторым элементом «эквивалентности» в соответствии с «типичными уклонами» системы.

Интернализация паттерна, следовательно, означает всего лишь, что значения катектируемых объектов организуются в паттернированные системы и в силу этого не могут трактоваться дискретно, и что существует элемент гибкости, в соответствии с которым внутренние свойства дискретных объектов могут быть менее важны, чем «встраивание» любого объекта в паттернированную систему.

Отсюда ясно видно, что актер будет «склонен» катектировать объекты, соответствующие уже установленным в системе паттернам, и избегать, или негативно катектировать, те объекты, которые несовместимы с организацией этой системы и грозят разрушить ее организацию. Другими словами, интернализация паттернов — это способ сказать о том факте, что система катектической ориентации актера достигла относительной стабильности организации как система, сохраняющая свои границы на уровне экспрессивно-символических процессов.

Кроме этого, есть еще одна импликация, а именно, что «конформность» в отношении паттерна наделяется аффективной значимостью благодаря про-

цессу, который мы назвали «символической генерализацией аффекта». Это означает, что неконформность, [проявляющаяся] в изменении символических значений экспрессивных актов и символически ассоциированных с ними несоциальных объектов, будет нарушением равновесия системы, которое приводит в действие тенденции к восстановлению этого равновесия. Механизмы научения, защиты и приспособления, выходящие за пределы определенных уровней усложнения, понимаются в этом контексте как способы, которыми может осуществляться реорганизация таких систем.

Такая установочная система, разумеется, является подсистемой целостной личностной организации, и должны быть приняты во внимание ее связи с другими подсистемами. Один из критериев интернализации состоит, следовательно, в том, что на актора будет производить возмущающее воздействие нарушение равновесия катектированной символической системы. Ее поддержание становится эмоционально важным, а это поддержание всегда предполагает конформность в отношении паттерна.

Установочный аспект феномена, который мы до сих пор обсуждали, конституирует всего лишь организацию катексисов *относительно структуры заключенных в ситуации объектов*. Мы проиллюстрировали это выше, взяв в качестве примера выстраивание у ребенка установки по отношению к матери.

В этом смысле, стало быть, установка есть диспозиционный аспект потребностной диспозиции или комплекса потребностных диспозиций; это символически генерализованная организация катексисов в отношении *комплексных* объектов, которые не являются сами по себе исходными «первичными» объектами катексиса, но требуют *как* усвоенной организации когнитивной ориентации на объектный мир, *так и* усвоенной организации катектических компонентов по отношению к таким усвоенным объектам.

В нашей интеллектуальной традиции, несмотря на обилие философских размышлений об «ошибке неуместной конкретности», мы упрямо сохраняем «реалистическую» предвзятость и склонны исходить из того, что объект просто «есть» то, чем он представляется. Сколь бы ни была серьезна эта проблема в отношении несоциальных объектов, в связи с *социальными* объектами она несет в себе двойную опасность. Ибо мы неоднократно обнаруживали, что в пределах изменчивости структуры интерактивных систем действия социальный объект *есть* то, чем ему определено быть, и *конституируется* в своих когнитивных свойствах взаимными ориентациями взаимодействующих акторов, а также интернализацией релевантных паттернов ориентации.

Так, быть «матерью» в *социальном статусно-ролевом* смысле значит не просто быть биологической родительницей данного ребенка, но и играть определенную роль в социальной системе. *То*, чем объект *является* в этих аспектах, не есть просто «значимость того, что он делает», определяемая ценностными паттернами культуры. Таков основной смысл известного правила У.А. Томаса, что «ситуация, определяемая как реальная, реальна по своим

последствиям», и теоремы Дюркгейма, согласно которой сами «коллективные представления» *конституируют* «реальность» общества, в силу чего общество является по отношению к личности и факторам среды «реальностью *sui generis*».

Таким образом, социальная установка, т.е. установка на других (*alters*) в интерактивном процессе, включает *когнитивное конституирование объекта* или класса объектов, но *вместе с тем* включает и *катектическую организацию*, о которой мы говорили и в соответствии с которой различные компоненты комплексного объекта символически интегрируются друг с другом как *экспрессивные* символы, каждый из которых может вызывать эмоциональную реакцию, соответствующую объекту в целом как комплексной *системе*.

Выясняется, что наш анализ проблемы экспрессивного символизма прямоком вывел нас к некоторым проблемам *организации* систем действия. Это возвращает нас к более общей теории, разработанной в статье «*Ценности, мотивы и системы действия*» и в книге «*Социальная система*».

Что мы, в сущности, сделали, так это показали, как теория символизма встраивается в эту более общую теорию. Если эта интерпретация верна, то из нее вытекают два важных ряда следствий. Во-первых, понятия, оказавшиеся существенными для анализа общих проблем структуры систем действия, *должны* быть релевантны и для анализа заключенных в действии символических процессов. Во-вторых, понимание того, как эти понятия соотносятся с символическими процессами, должно внести важный вклад в нашу интерпретацию их природы и их общего места в теории действия.

Мы попытались показать, что паттерны организации взаимно символических значений *должны быть паттернами ценностной ориентации* и что это паттерны, по существу, двух порядков: (1) паттерны, касающиеся ассоциативных связей между «основными объектами» и знаковыми объектами, и (2) паттерны, касающиеся организации катектических значений в отношении комплексных объектов.

Если это так, то эти паттерны ценностной ориентации должны быть теми же, что и паттерны, которые нам удалось концептуализировать в терминах типовых переменных, и тогда различие между двумя фундаментальными порядками организационного паттернирования систем символов должно быть различием, сформулированным в терминах симметричной асимметрии системы типовых переменных. И в самом деле, если взглянуть на проблемы в этом свете, то наилучшим образом высвечиваются как структура символических систем, [заключенных] в действии, так и значимость самих типовых переменных.

Можно начать с проблемы символической ассоциации между основными объектами и знаковыми объектами. Системы символов, имеющие прежде всего когнитивный характер, — мы должны об этом помнить, — являются для более общей теории символизма особым случаем. Все системы символов

имеют когнитивный аспект, и именно это должно быть сформулировано в «законах ассоциации» обозначаемого и символического объекта. Наводит на размышление, что специфический когнитивный символ никоим образом не обязан походить на объект, к которому он относится.

Так, слово «*стол*» ни как сочетание звуков в речи, ни как визуальный символ в письменной форме *физически* ничем не напоминает экземпляр того класса объектов, к которому оно относится.

Однако паттерны *порядка*, посредством которых выстраиваются *системы* когнитивных символов, должны быть «конгруэнтны» паттернам порядка в тех объектных системах, к которым они относятся. Элемент «произвольности» в выборе того или иного символа не может, таким образом, распространяться на способы, посредством которых такие символы комбинируются в системы.

В общем и целом, мы говорим, что когнитивные символы упорядочиваются в терминах *общих свойств* объектов, а также их *взаимосвязей*, насколько они могут быть установлены в виде общих или универсальных пропозиций, *не зависящих от конкретных связей объектов с ego* как точкой отсчета. Этот тип символической системы занимает центральное место в современном рациональном знании; как бы ни были произвольны средства, с помощью которых он *именует* объекты, есть определенные паттерны, посредством которых он *ассоциирует* объекты, их свойства и отношения. Это паттерны, которые мы в нашей схеме называем «универсалистскими».

Универсалистский способ ассоциативного паттернирования существенно важен, когда мы имеем дело с содержанием с точки зрения *достоверности пропозиций*, а это главенствующий методологический интерес современной науки и философии.

Между тем, с точки зрения значимости для действия есть и второе основание ассоциации объектов и их свойств, которое накладывается на первое, а именно — их *партикулярная связь* с данным актором, индивидуальным или коллективным, взятым в качестве точки отсчета.

В этом случае объекты, невзирая на их универсалистски постигаемые свойства и взаимосвязи или, по крайней мере, независимо от них, могут «соединяться» друг с другом в силу общего свойства принадлежности к *одной и той же реляционной* системе, относящейся к данному актору; например, несколько в ином отношении разных физических объектов имеют общее свойство быть «имуществом ego».

Это, как мы говорим, «*партикулярный базис*», или аспект организации объектов в системы в связи с действием и его интересами, и этот базис накладывается на универсалистский. Объекты, объединяемые в один класс или ассоциируемые друг с другом в универсалистских терминах, могут быть сегрегированными в партикуляристских терминах, и наоборот.

Партикуляризм — это, стало быть, принцип *упорядочения объектов*, их свойств и отношений друг к другу в системы, и этот принцип в такой же мере

применим к упорядочению связей «символ—референт» и связей самих символов друг с другом, в какой и к упорядочению «внутренних» отношений объектов в связи с системами действия независимо от их символической значимости.

Тогда можно сказать, что, когда объекты символически ассоциируются друг с другом, должны быть задействованы универсалистские соображения выбора, должны быть партикуляристские соображения и должно быть какого-то рода оценочное решение о первичности тех или других в разных контекстах. В некоторых контекстах «подходящей» основой ассоциации может быть универсалистски определенное общее свойство, разделяемое основным объектом и знаковым объектом, в других — партикуляристская общая связь с ego.

Так, в простейшем примере сходство пищевого объекта с объектами, ранее употребленными в пищу и понравившимися, предрасполагает актора к пробуждению потребностей голода. Но в то же время может быть релевантен вопрос о том, «чья» это пища. Только когда к универсалистским свойствам добавляется действительное или потенциальное владение как партикуляристский критерий, объект становится полностью «подходящим» объектом для утоления голода. Он должен быть «правильной» пищей и «моей пищей».

Возьмем еще один партикуляристский базис пищевой преференции: ребенок может быть предрасположен к принятию пищи, предлагаемой матерью (т.е. отобранной по критерию партикуляристской связи с посредником, обеспечивающим доступность объекта), но будет при этом отвергать ту же самую пищу, если она будет ему предложена каким-то другим лицом.

Согласно теории научения, эти универсалистские и партикуляристские модусы ассоциации объектов — два разных «градиента генерализации». Актор расширяет свое внимание и включает в один и тот же класс, в качестве объектов своего внимания и мотивации, объекты, «образующие совокупность» на основе какого-то критерия. Он склонен относиться к объектам, которые по принятому им критерию образуют совокупность, одним и тем же или похожим образом.

Что делают понятия универсализма и партикуляризма, так это разграничивают два разных *типа критерия*, по которым может происходить генерализация с точки зрения данного актора. Чтобы понять процесс генерализации, необходимо знать, *какой* из этих типов критерия релевантен генерализации актора.

Релевантность этой типовой переменной для генерализации не ограничивается случаем символических ассоциаций, но, разумеется, включает его, причем независимо от того, является ли первичность в символической значимости когнитивной или экспрессивной, ибо символическая ассоциация всегда есть в некотором аспекте *объединение объектов в один класс*.

Однако есть важное различие между этими двумя типами первичности в символических связях. В когнитивном случае проблема достоверности сфокусирована на связи с нормативными стандартами, в экспрессивном же слу-

чае соответствующим стандартом служит экспрессивная или оценочная «адекватность». Это значит, что «внутренние» взаимосвязи объектов и их свойств *не обязательно* играют важную роль в экспрессивной символизации. Свойства, по которым объекты друг с другом ассоциируются, с когнитивной точки зрения могут вообще иметь «поверхностную» значимость, и тем не менее, этот комплекс может совершенно адекватно выполнять экспрессивно-символические функции.

В христианском религиозном ритуале, например, не проявляется особых сомнений в том, что сходство красного вина и крови, состоящее в том, что они жидкости примерно одинакового цвета, существенно для символической ассоциации вина с «кровью Христовой». Для биохимика различия между вином и кровью, конечно, гораздо более важны, чем их сходства. Но в качестве основы достаточно символической ассоциации этих сходств. «Поверхностность» этих сходств с точки зрения некоторых когнитивных интересов не должна, однако, вести к тому взгляду, что для появления символической ассоциации *совершенно не важно*, имеются ли вообще какие-то сходства или нет.

Такой вывод был бы явно неправомерен, ибо вопрос в том, значимы ли сходства *в данном функциональном контексте*. То, что рассматриваемые сходства «тривиальны» в научном когнитивном контексте, не говорит равным счетом *ничего* об их значимости или адекватности в том или ином экспрессивно-символическом контексте. Ничего не говорит это и о том, насколько символическая ассоциация может вообще обойтись без градиентов генерализации. Весь анализ, представленный в этой статье, говорит о том, что они на самом деле очень важны и что их изучение многое прояснит, если рассмотреть их в надлежащем контексте.

Между тем различие универалистских и партикуляристских градиентов генерализации не исчерпывает оснований ассоциации объектов и, стало быть, также ассоциаций «знак—референт». Ибо мы постоянно подчеркивали именно в отношении *объектов* фундаментальную важность для теории действия вопроса об *интенциях* акторов, и это по указанным выше причинам особенно важно в отношении экспрессивного символизма. Ведь акт alter, интерпретируемый его как «интенциональный» — а в рамках общей культуры интерпретируемый так же и самим alter, — с необходимостью и *сам по себе* является экспрессивным символом, какова бы ни была его внутренняя значимость.

С другой стороны, свойство или качество alter как социального объекта, не интерпретируемое как выражение его интенций, становится экспрессивным символом лишь в силу специфических процессов ассоциации и может не иметь того же порядка значимости. Поэтому проведение базового различия между объектами, в том числе событиями, которые интерпретируются как последствия мотивационных интенций, и объектами, которые так не интерпретируются, должно *всегда* присутствовать в основаниях ассоциации объектов друг с другом, то есть их объединения в один класс.

Помимо этого фактора, общим свойствам объектов, объединяемых в один класс, соответствует там, где вовлечены интенции, либо *общее авторство* событий, конституирующих действие, или объектов, которые интерпретируются как его результаты, либо общие характеристики подсистем мотиваций более чем одного актора. Тогда объекты ассоциируются благодаря тому, что являются выражениями мотивации *одного и того же актора* (на партикуляристском основании), или в силу того, что являются выражениями *одного и того же вида* мотивации, например дружелюбия или агрессивности, со стороны множества акторов (на универалистском основании). Вместе с тем, конечно, объекты могут объединяться в класс независимо от того, выражают ли они интенции *каких-либо* акторов, опять же либо на универалистской, либо на партикуляристской основе.

Это, разумеется, типовая переменная аскрипции-достижения, взятая в форме базового различения качества и исполнения. Она тоже явно может быть применена к проблеме генерализации. Таким образом, мы получаем даже не два возможных основания для объединения объектов в класс, а четыре, поскольку различия, заключенные в этих двух типовых переменных, накладываются друг на друга и образуют четырехсекторную таблицу возможностей.

Само собой разумеется, это базисная схема соотнесения для структуры мира объектов, особенно акторов как социальных объектов. Следовательно, она служит упорядочению возможностей категоризации статусов в социальной системе.

Объяснение этой классификационной схемы во всех подробностях ее подклассификации можно найти в книге «Социальная система» (с. 142—143)⁴. Что здесь нового, так это просто идея, что *та же самая* фундаментальная схема соотнесения имеет отношение к ассоциации объектов в символической связи, что, поскольку отношения «знак—референт» суть отношения между объектами, в основе организации символов и их объектных референтов в системы должна лежать та же схема соотнесения, которая лежит в основе организации в системы самих социальных объектов.

Для этой части нашей проблемы, а именно связи «объект—объект», две типовые переменные статусной категоризации дают нам основу ее упорядоченной трактовки; они конституируют схему соотнесения для теории *содержания* символических систем, когнитивных и экспрессивных. Проблема генерализации в психологическом смысле, кроме того, предстает как аспект той же общей проблемной области. Объекты могут символизировать друг друга лишь тогда, когда они каким-то образом собраны в один класс, и эти типовые переменные позволяют сформулировать *возможные основания классификации*, которые могут служить градиентами для генерализации. Ниже будут рассмотрены некоторые из следствий этого

⁴ См.: Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002. С. 228—230.

факта для анализа и классификации механизмов научения, защиты и приспособления.

Между тем, до сих пор в поле нашего зрения находилась лишь половина проблемы: половина, эксплицитная в случаях когнитивной первичности. Другой половиной будет проблема генерализации катексиса, связанная с организацией *в упорядоченные системы* дискретных первичных объектов катексиса, а также экспрессивных символов, получивших вторичный катексис по отношению к ним.

Здесь «установочные» типовые переменные занимают такое же место, какое занимают переменные категоризации объектов в отношении ассоциации «объект-объект». Основополагающее значение имеет положение, что катексисы оказываются *организованными относительно структуры объектного мира*. С этим соотносятся процессы *конструирования* «комплексных объектов» путем когнитивного определения ситуации, а также генерализации катексисов, [переносимой их] с элементарных, или первичных, объектов и элементарных знаковых объектов на эти комплексные объекты как системы, поддерживающие свои границы.

Типовая переменная диффузности-специфичности определяет альтернативные возможности организации катексисов относительно конкретной объектной единицы как единицы (например, отдельного лица как социального объекта) или относительно «функционального» базиса, или типа интереса. Ребенок учится «любить мать» в диффузной взаимосвязи, без специфического соотнесения с *любим* из многочисленных удовлетворений, источником которых она является.

С другой стороны, ему приятен вид грузовика с мороженым на улице, поскольку тот является источником особого объекта или типа объекта, удовлетворяющего особый «интерес». Катексис водителя грузовика может быть окутан диффузным «полумраком», но, прежде всего, водитель — это «тот, у кого есть мороженое». Это может, конечно, генерализоваться [за счет переноса] на продавцов газированной воды и, по сути дела, всех распорядителей желанных пищевых объектов, но при этом остаться специфичным в смысле типовой переменной. Специфичный модус организации катексисов *пронизывает*, стало быть, всю ситуацию как систему дискретных конкретных объектов и собирает все, что имеет особый *тип катектической значимости*, в один класс, игнорируя другие аспекты и возможности получения удовлетворения от тех же объектов.

Другая установочная типовая переменная — переменная «аффективность vs. аффективная нейтральность». Она, как мы знаем, относится не к масштабу катектической значимости объекта, а к *виду* катектической значимости с точки зрения одного из фундаментальных ориентационных решений, касающегося того, воспользоваться или не воспользоваться возможностями удовлетворения в данный момент в данной ситуации. Общая значимость возни-

кает, разумеется, из потребностей (exigencies) организации катексисов в системе. Использование всех подвернувшихся возможностей для удовлетворения было бы несовместимо с устойчивой организацией.

Возьмем известный пример. Взаимное эротическое удовлетворение — это возможность, которая существует между любыми двумя нормальными взрослыми людьми противоположного пола. Но если эротический компонент фундаментально интегрирован, в т.ч. обязательно символически, с другими компонентами в диффузную любовную привязанность к некоторому особому объекту, то неразборчивое пользование возможностями эротического удовлетворения с другими наличными объектами входит в серьезный конфликт со *значением* эротического удовлетворения, [которое заключено] в комплексе любовного взаимоотношения.

Одним из аспектов разрушительного воздействия этого конфликта является реакция ревности со стороны «обиженного» партнера по любовной связи. Тем не менее, в реальности невозможно, чтобы, например, лица, состоящие в браке, не имели контактов с лицами противоположного пола, открывающих потенциальные возможности для эротического удовлетворения. Установка аффективной нейтральности, в таком контексте, есть эмоциональная способность сдержать потенциально активированную потребностную диспозицию.

Если взять этот контекст релевантности экспрессивного символизма, то в аффективном модусе катектической организации установок допустимость удовлетворения символически *означает* интеграцию особого удовлетворения в стабильную символическую систему, так что использование этой возможности не нарушает равновесия системы. В свою очередь, аффективная нейтральность символически означает, что рассматриваемое удовлетворение не встраивается в релевантную часть стабильной катектической системы актора.

Эти две типовые переменные при наложении друг на друга дают, стало быть, четыре основных способа организации установочных систем акторов. Они делят объектный мир на четыре части: во-первых, на диффузно катектируемые комплексные объекты и на классы специфично катектируемых объектов, а во-вторых, на объекты и поводы, где допускается прямое удовлетворение, и на «запретные» объекты и поводы, где требуется «дисциплина». Самое важное тут, пожалуй, состоит в том, что эти порядки катектической значимости объектов *не заложены* в «природе» этих объектов в когнитивно-ситуационном смысле. Для каждого аспекта объекта, формулируемого в терминах типовых переменных статусной категоризации, в природе действия имеется *открытая альтернатива* или набор альтернатив касательно того, какое катектическое значение данный объект будет приобретать для того или иного актора в том или ином виде связи с этим объектом.

Так, лицо противоположного пола может быть «само по себе» возможным сексуальным партнером, но этот факт не детерминирует того, будут ли

он или она действительно катектированы в качестве эротического объекта; это должно определяться организацией установочной системы его. Описание ориентации как аффективно нейтральной является способом установления того факта, что в этом частном случае эта потенциальность катексиса не реализуется. Именно в этом фундаментальном смысле структура мира объектов и структура установок в отношении него должны трактоваться в отношении друг друга как независимые переменные.

Случай аффективной нейтральности поднимает важную проблему, касающуюся *паттернирования* экспрессивно-символических систем. В случае аффективности допущение удовлетворения означает, что [данный] отдельный акт удовлетворения или его перспектива не угрожает стабильности организации символической системы. По этой причине аффективная активность как таковая не ориентирована специфически на поддержание паттерна, или конформность к нему. Вопрос о конформности, иначе говоря, не стоит. В случае аффективной нейтральности, в свою очередь, есть, по определению, потенциальный конфликт между особым интересом к удовлетворению и стабильностью катектической системы.

Ориентация в этой ситуации может принять форму ощущения «обязательности» поддержания конформности к паттерну, и, следовательно, в каком-то смысле можно сказать, что аффективная нейтральность конституирует «катексис паттерна». Между тем это эллиптическое утверждение. Паттерн, интернализированный в этом смысле, *не есть объект*, а катектироваться, строго говоря, могут только объекты. Полное утверждение в итоге гласило бы, что организованная система объектных катексисов структурируется таким образом, что использование соответствующей возможности удовлетворения создало бы нарушение в системе.

Следовательно, актер мотивирован не действовать таким образом; его интерес к стабильности своей системы катектической ориентации выше, чем его интерес к потенциальному объекту. В той мере, в какой «паттерн интернализирован», «решение» принимается спонтанно и не сопровождается чувством конфликта. Именно это и имеется в виду под катексисом паттерна: нет достаточной мотивации действовать способами, несовместимыми с паттерном. Организация катексисов *всегда* предполагает паттернирование в символических системах в этом смысле. Следовательно, в каждой установочной структуре всегда есть аффективно нейтральный аспект: она всегда *избирательна* в своем дозволении потенциальных удовлетворений.

Наконец, вышеприведенная дискуссия дает нам превосходную основу для интерпретации некоторых сторон значимости пятой типовой переменной, а именно «ориентация на себя vs. ориентация на коллектив», а также причин, по которым она занимает особое место в системе и не должна напрямую включаться в один класс с какой-либо парой статусной категоризации или установочной парой.

Самая фундаментальная причина состоит в том, что она концептуализирует *схождение* двух фундаментальных компонентов ориентации в структуре самой социальной системы. Здесь есть два аспекта. Первый — конституирование коллектива как объекта. Все другие классы объектов имеют основания, находящиеся вне самой системы взаимодействия и аналитически от нее независимые.

Физические объекты, по определению, не зависят от процесса взаимодействия, как бы ни были они для него важны и как бы часто они ни были «продуктами» прошлого действия или взаимодействия. Культура в своей объектной значимости, опять же, «отделена» от системы действия воплощением в физических символах; это имеет принципиальное значение для коммуникации и диффузии культуры. Личность «укоренена» в биологическом организме, и ее функциональные проблемы неотделимы от проблем организма.

Но коллектив *существует лишь постольку, поскольку сам является организованной системой взаимодействия*, и это *единственное* основание конституирования его как объекта. Он, разумеется, зависит от физических объектов, от унаследованной культуры и от биологических характеристик индивидуальных акторов, но сами по себе эти объекты, в отрыве от организации систем социального взаимодействия, *никогда* не конституируют коллективы. Следовательно, коллектив как объект не является независимым, а создается и поддерживается *исключительно* установками его членов. Именно это, в конечном счете, стало главным открытием в поздних работах Дюркгейма.

Второй аспект является обратной стороной [первого]. Он состоит в том, что между установками и комплексными объектами катексиса, поскольку они конституируют коллективы, имеется особая связь. Сам объект есть не что иное, как *способ интеграции* катектически-символических систем членов. Между тем вовсе не все катектически-символические ориентации индивидуальных акторов в этом смысле напрямую конститутивны для коллективов, членами которых они являются.

Следовательно, принципиально важно, чтобы в теории действия была фундаментальная концептуализация различия между теми установочными компонентами, которые конститутивны для коллективов, и теми, которые для них не конститутивны. Мы имеем в виду: именно *конститутивны*, а не просто [являются] «условиями существования или эффективного функционирования коллективов». Это различие *фундаментально*. Оно является, в конечном счете, основанием важности социологической теории как науки. Если сказать немного иначе, понятие ориентации на коллектив есть средоточие базового феномена институциональной интеграции мотивации.

Самым важным выводом из этих соображений для настоящего контекста становится ясное понимание того, что тот факт, что коллективы как объекты конституируются из установок их членов, *должен* означать, что они *являют собой* особые типы интегрированных символических смысловых ком-

плексов, в нашем смысле. Именно это имел в виду Дюркгейм в своем знаменитом правиле: «Общество существует только в умах индивидов». Чтобы понять основания, на которых строятся коллективы, мы должны понять экспрессивный символизм.

Итак, мы охватили наиболее существенную аналитическую основу этой статьи. Что мы, в сущности, сделали, так это гораздо теснее, нежели раньше, интегрировали теорию символизма с общей теорией действия и проработали некоторые следствия, вытекающие из этой интеграции для ряда теоретических проблем в поле действия.

В частности, мы показали фундаментальную важность экспрессивного аспекта символических систем, а также что развитие систем экспрессивной символизации является в первую очередь *способом организации* катектических компонентов мотивационной ориентации действия. Именно благодаря символической организации этих компонентов возникает феномен, который мы называем «интернализацией паттернов».

Кроме того, мы попытались показать, что типовые переменные конституируют паттерны организации этих символических систем. Они устанавливают способы, посредством которых со стороны категоризации объектов и со стороны установок соответственно могут *генерализоваться* символические связи. Этот факт лежит в самом основании значимости типовых переменных для теории действия.

В заключение попытаемся показать эмпирическую релевантность этого анализа для некоторых проблемных областей в теории действия. Во-первых, мы можем взять проблему «символического действия» в таком смысле, в каком она обнаруживается в религиозном ритуале.

Первичной чертой такого действия, с некоторой точки зрения, является то, что оно «бесполезно» в двух смыслах: в том смысле, что не вносит инструментального вклада ни в одну эмпирическую цель (например, похоронный церемониал не возвращает усопшего к жизни, не помогает избавиться от трупа и не обеспечивает «передачу другим» его инструментальных функций), и в том смысле, что не удовлетворяет напрямую ни одну «первичную» катектическую потребность. Утрата может активировать чувство вины перед умершим, однако похоронный церемониал не позволяет ни в каком прямом смысле «возместить ущерб» или «помириться с ним».

Катектическая значимость такого символического действия становится, однако, ясной, если учесть его связь с системами экспрессивного символизма, которые мы обсуждали. *Прямое* удовлетворение активированного комплекса потребностей может блокироваться отчасти природой ситуации, в частности тем, что смерть выводит объект из ситуационного поля, и отчасти нормативной структурой социальной системы, так что, к примеру, прямое разыгрывание враждебности к членам мы-группы является недопустимым.

Следовательно, релевантные эмоциональные реакции выражаются через акты, относящиеся к одной и той же символической системе. Акты и символически связанные объекты ассоциируются с первичным центром «нарушения» в соответствии с релевантными градиентами генерализации. В *некотором* смысле, стало быть, символическое действие является «замещающим удовлетворением» или даже, в каком-то смысле, «удовлетворением в фантазии». Но такую формулу надлежит интерпретировать с большой осторожностью.

Мы попытались прояснить, что как только благодаря интернализации паттернов система установок становится полностью организованной, первоочередной задачей оказывается поддержание сохранности паттерна *самой системы*. «Первичный катексис» перестает иметь свою изначальную независимую значимость. А следовательно, в совершенно реальном смысле, возможность выразить эмоцию «символически» не является «второсортной» заменой, но может быть «реальной вещью». О том, какую именно она имеет значимость, следует судить в контексте целостной системы действия, частью которой она является. Возможно, она должна рассматриваться как «замена» только с точки зрения генезиса⁵.

Но в любом случае теория экспрессивного символизма, выдвинутая выше, должна дать нам критерии того, какие *виды* символического действия будут «функционально адекватными». Это критерии двух типов. Во-первых, со стороны установок эмоциональная окраска действия должна быть такой, чтобы в ней выражались соответствующие установочные реакции. Во-вторых, отбор символов должен согласовываться в паттернировании категоризации объектов с определением первичных объектов катексиса, которое активизирует ситуацию в данном случае.

Так, в совершенно очевидном смысле использование семейного символизма в католической церкви сразу же делает возможной генерализацию чувств, порождаемых в семье, [и перенос их] в религиозную сферу: священник как «отец» может действовать в качестве заместителя отца, даже если он не выполняет инструментальных функций реального отца. Так же, разумеется, [обстоит дело] и с Марией, Божьей Матерью. Акцент здесь, конечно, делается на материнстве. Отбор символических объектов, включая акты, должен рассматриваться как результат взаимодействия нескольких переменных. Повод для ритуального действия будет сосредоточивать тенденции реакции на особых компонентах потребностной диспозиции.

Как мы отмечали, наиболее прямой и с точки зрения потребностей «приоритетный» путь снятия напряжения может быть по разным причинам блокирован. Но катектико-символическая система организована так, что импульс переносится на другую «цепь», где каналы [для его разрядки] сво-

⁵ Эта проблема — явно центральная для интерпретации места инфантильных удовлетворений в личности взрослого.

бодны. Вместе с тем это должна быть цепь, удовлетворительно интегрированная с первичной потребностной диспозицией.

Во-вторых, мы можем сказать несколько слов о механизмах научения, защиты и приспособления, хотя это столь большая область, что здесь могут быть сделаны лишь немногочисленные предположения. Прежде всего, возьмем механизм замещения как обучающий механизм. В сущности, можно сказать, что это название для процесса расширения экспрессивно-символической системы, [посредством которого в нее] включается новый объект. Или, пожалуй, мы бы сказали, что это один принципиальный аспект, другим же является процесс отказа от старого объекта, т.е. от некоторых его катектических значимостей. Для аспекта расширения, как мы можем увидеть, наиболее фундаментальным требованием успешного замещения будет символическая приемлемость нового объекта, его совместимость со структурой паттерна символического комплекса.

Иначе говоря, он должен быть *правильным видом объекта* в соответствующих аспектах. Дело *может* заключаться в его «внутренней» способности доставлять удовлетворение, как в случае пищи, однако все мы знаем, насколько становится фундаментальным даже [в случае] пищевых предпочтений и отвращений [их] символический аспект. На самом деле мы почти можем сказать, что, *как бы ни был важен этот внутренний аспект*, если он не может быть интегрирован в символическую систему, он не может быть успешно катектирован.

Аспект отказа в замещении необходимо отличать от аспекта расширения. Здесь стоит вопрос о том, что дает повод для отказа. Это может быть просто ситуационное изменение, например недоступность привычной пищи в чужой стране. С другой стороны, может требоваться запрет, поскольку старый объект продолжает оставаться частью ситуации.

Здесь опять-таки следует провести различие между случаем, когда запрет требуется потому, что [данный] *особый* объект по какой-то причине более не приемлем, и случаем, когда отказ является необходимой частью процесса реорганизации *структуры паттерна* (pattern structure) катектической системы. Отказ от детских объектов привязанности — явно пример последнего; воспроизводство в неизменном виде привязанности к матери несовместимо с новыми требованиями «повзросления», поскольку она, в частности, включает компонент зависимости, блокирующий самостоятельность. Здесь мы, вероятно, не стали бы говорить о простом замещении.

Вытеснение мы можем истолковать здесь как замещение в соответствии с градиентом символической генерализации, где новый объект — явно «второй после наилучшего», иначе говоря, где есть фундаментальный мотивационный резон для предпочтения первичного объекта, но его катексис несовместим с противодействующими мотивационными потребностями.

Проиллюстрировать это поможет известный пример враждебности по отношению к солидарности мы-группы. В мотивационном плане ненависть

к «козлу отпущения» даже близко не дает того удовлетворения, которое дала бы ненависть к кому-то из своих, но лучше ненавидеть «козла отпущения», чем вообще не иметь никакого выражения агрессивных импульсов, и эта символическая связь означает, что имеют место частичная эквивалентность и некоторое подлинное удовлетворение. Само собой, вытеснение может произойти по любому из градиентов символической ассоциативной генерализации. Там, где мы знаем, что произошло вытеснение, общее требование совместимости с символическим паттерном должно дать нам важные ключи к фокусу вытесненного аффекта.

Так, в случае антисемитизма острота подчеркивания деловых практик и «характера» еврея заставила бы нас заподозрить, что в корнях антисемитизма проблема «адекватности» важнее, чем более партикуляристская проблема безопасности. Еврей является подходящим символом не для неудавшейся диффузной любви, а для ощущения неудачи в универсалистски паттернированных сферах исполнения.

Если вытеснение можно считать названием наиболее генерализованного процесса символического замещения «реально» желаемого объекта [другим], менее удовлетворяющим, то проекция — более специализированный механизм: фактически это особый случай вытеснения. Здесь *мотивационная интенция* является первичным фокусом, а элементом, который вытесняется, оказывается *авторство* экспрессивно значимого действия⁶. Наличие проекции, стало быть, сразу позволяет нам заключить, что существует фундаментальный конфликт в личности актора, касающийся *его ответственности* за запрещенные действия; иначе говоря, проекция была бы, видимо, невозможна без наличия в личности могущественного фактора вины. Это явно означает, что фокусом напряжения является ответственность за исполнение.

И наконец, можно сказать несколько слов о возможностях использования этой схемы в анализе так называемых «психосоматических» феноменов. Ясно, что то, о чем мы говорили как об исполнении, всегда осуществляется через «поведение» организма, [т.е.] через изменения в состоянии организма, которые, в свою очередь, изменяют его отношения с его средой.

Отсюда вытекает, что каждое исполнение — каждый интенциональный, или мотивированный, акт в нашем смысле — включает «соматическое» изменение, которое в некотором аспекте *само* является *экспрессивным символом*. А значит, каждое изменение в состоянии организма, воплощающее мотивированное действие или связанное посредством проанализированной нами ассоциации с таким действием, может быть катектировано как экспрессивный символ. Физиологические процессы приема пищи, перемещения

⁶ Таким образом, она предполагает не только установки *по отношению к объекту*, но и категоризацию *его*.

тела, издания речевых звуков и т.д. по самой своей природе всегда являются в каком-то аспекте экспрессивными символами.

Имеется структура этого экспрессивно-символического аспекта телесной функции, которая имеет «нормальную» интеграцию с системой катектической ориентации актора, включающей или, скорее, *являющей собой* организацию его чувств относительно «нормальности» его телесных состояний. Но те же соображения, которые мы привели выше в связи с «символическим действием», очевидно, применимы и к возможностям «использования» телесных состояний и изменений в них как замещающих каналов экспрессивной символизации, когда каналы экспрессии, воспринимаемые как нормальные, по той или иной причине блокируются. Многие из этих замещений могут рассматриваться как совершенно нормальные: они происходят постоянно и явно во многом связаны с физиологическими аспектами эмоции.

Отличным примером были бы телесные изменения, происходящие в ситуациях страха. Однако иногда, когда в личности присутствуют элементы конфликта, вытеснения в телесные состояния могут конституировать приемлемые частичные решения конфликта, как и переносы на иные объекты. Пожалуй, особенно это касается тех случаев, когда более прямое и открытое «отреагирование» (*acting out*) больше всего провоцирует тревогу.

Такие мотивированные телесные изменения должны, конечно, соответствовать условиям «волевого» контроля над органическими процессами, насколько они известны, но тогда они, в свою очередь, могут, разумеется, иметь дальнейшие физиологические последствия, неподконтрольные воле. Поглощение пищи явно контролируется волей в обычном смысле. Однако физиологические последствия устойчивого недополучения витаминов, в целом, явно ею не контролируются. По-видимому, это существенный принцип.

Значимость теории экспрессивного символизма для психосоматической сферы начинается, таким образом, с только что установленного положения о том, что *любое* телесное изменение может быть экспрессивным символом, если может быть объектом перцепции, и может либо само мотивационно контролироваться, либо символически ассоциироваться с интенциональным действием. Тогда аспекты «образа тела» будут обладать такого рода значимостью, а различные катексисы суб-объектов тела будут организованы в различные установочные комплексы.

Способы, посредством которых эти части тела и телесные процессы символически интегрируются в мотивационную систему актора, должны тогда дать нам способы понимания того, почему этот особый соматический феномен приобрел для актора ту значимость, которую он приобрел, и почему актер контролировал его так, как контролировал, если, конечно, контролировал. Затем можно перейти к физиологическому анализу последствий. Но без применения теории действия в указанных направлениях эти феномены неизбежно останутся таинственными и необъяснимыми.

Приложение к статье о символизме⁷

Приведенный выше анализ проблем символизма неизбежно толкнул нас к пересмотру систематических связей между типовыми переменными. Уже давно стало ясно, что они образуют не просто каталог, а в некотором смысле систему. Это впервые проявилось в «симметричной асимметрии», связывающей «универсализм-партикуляризм» и «аскрипцию-достижение» главным образом с объектной ситуацией, а «специфичность-диффузность» и «аффективность-нейтральность» — с организацией мотивации. Постепенно становилось все более ясно, что эта полярность имеет глубокие основания, и приведенная дискуссия уже во многом прояснила, в чем именно эти основания состоят.

Следующий очень важный шаг был сделан, когда было показано, почему пятая типовая переменная, «ориентация на себя vs. ориентация на коллектив», не соединяется ни с одной парой, а занимает самостоятельное место. Основой этого, как мы показали, служит тот факт, что из всех классов объектов только коллектив не фокусируется по своей сути на компонентах, независимых от самой системы взаимодействия, а сам напрямую конституируется *этой* системой, стало быть, является способом *ее* интеграции.

Тем самым оказывается, что существует еще одна чрезвычайно важная систематическая связь между самими «первичными» парами. Все обсуждение символизма отталкивалось от представления, что знаковый объект *всегда* имеет и когнитивные, и экспрессивные значения. Указанная связь между типовыми переменными оказывается теперь генерализацией этой идеи. Действие, как мы неоднократно ранее говорили, есть *реляционная* система, и *каждый* акт должен организовывать *все первичные компоненты* этой реляционной системы.

Тот факт, что каждый символ имеет и когнитивные, и экспрессивные значения, является частным случаем более общего принципа, который, опять же, много раз устанавливался раньше, но чья значимость для типовых переменных была не видна. Его можно выразить с помощью новой формулировки, что каждое паттернирование организации системы действия *должно иметь как свой «когнитивный»* аспект, т.е. референцию к ситуационным компонентам системы действия, *так и свой «экспрессивный»* аспект, т.е. референцию к мотивационным компонентам этой системы. Интеграция системы при этом зависит от приведения этих двух аспектов в определенную связь друг с другом. «Координаты», в соотнесении с которыми это может иметь место, т.е. процесс в определяемой и анализируемой системе, должны допускать соотнесение в обоих направлениях.

⁷ Это приложение было написано через несколько дней после завершения статьи. Его содержание можно было бы инкорпорировать в пересмотренную версию этой статьи, но поскольку оно документирует переход от настоящей статьи к идущей далее главе III, мы сочли, что лучше опубликовать все без изменений. Приложение было написано всего за день-два до того, как родилась идея главы III.

Но давайте рассмотрим этот вопрос конкретно в связи с самими типовыми переменными. Переменная «универсализм-партикуляризм», как мы видели, различает два разных градиента, в соответствии с которыми могут организовываться когнитивно-инструментальные связи с объектами. Например, партикуляризм выводит вперед факт общей принадлежности к единичной реляционной системе, относящейся к *ego*.

Это имеет свой аналог в диффузной альтернативе переменной «специфичность-диффузность». Важным моментом здесь является такая организация катексисов, экспрессивных интересов с точки зрения их связи с конкретным объектом как таковым, при которой паттерн их организации должен давать место бесконечному многообразию *типов* интереса. Это экспрессивный аналог когнитивного партикуляризма.

В когнитивном плане *ego* видит ситуацию партикуляристски, когда организует ее относительно *своих* мотивационных интересов со всем их мотивационным разнообразием; в экспрессивном плане он катектирует ситуацию «диффузно», когда организует ее относительно *партикулярного объекта* катексиса.

В обоих случаях паттерн отвечает одному и тому же *принципу*, поскольку в обоих случаях имеет место организация компонентов действия относительно партикулярного объекта. Но эти два случая нужно различать, ибо каждая действующая единица является в процессе взаимодействия *как* объектом, *так и* ориентирующимся актором, и изменения, происходящие с ними, не зависят друг от друга. То, что в связи с типовыми переменными должен быть не один, а два фокуса — в данном особом смысле «партикуляристских», — является следствием того факта, что объектная значимость актора должна ограничиваться от мотивационно-ориентационного аспекта.

Также, вероятно, это следствие «двойной контингентности». Какой бы термин мы ни использовали в отношении указанного более общего «принципа», должны быть две «области применения», так как одна и та же единица должна рассматриваться двумя независимо изменяющимися способами. Это заложено в самой схеме соотношения.

Имеется также соответствующая связь между универсализмом, с одной стороны, и специфичностью, с другой. Универсализм обозначает когнитивную организацию систем объектов посредством *общих установок*, не зависящих от партикулярной реляционной системы *ego*. Они должны быть атрибутами, имеющими одно и то же свойство общности для *ego* и для *alter*. Должна быть «абстракция» от специфической перспективы.

Аналогичным образом в случае специфичности имеет место «абстракция» от тотальности возможной катектической значимости объекта с целью фокусировки на специфическом основании мотивационного интереса, игнорирующая другие возможности катектирования объекта. Но, кроме того, все объекты, удовлетворяющие один и тот же интерес, сводятся воедино — не «объединяются в класс» в когнитивном смысле, а «трактуются как эквива-

лентные» в мотивационном контексте. Они, в нашей терминологии, имеют эквивалентные экспрессивные значения.

Следовательно, мы вновь имеем общий «принцип», лежащий в основе как когнитивного, так и экспрессивного аспектов структуры ориентации; в этом случае принцип состоит в том, что «основание значимости» должно не зависеть от партикулярности единичного объекта и его реляционной системы.

Соответствующую связь для других двух пар, а именно [переменных] «аскрипция-достижение» и «аффективность-нейтральность», увидеть немного труднее, но если взглянуть повнимательнее, она очень ясна. Основной принцип обнаруживается, пожалуй, в том, на чем мы выше настаивали: в том факте, что исполнение во взаимодействии *всегда* и по самой своей природе является экспрессивным знаком. Это всегда видимый знак, выражающий «интенции» автора. Но это *знак* в когнитивном контексте, [т.е.] нечто наблюдаемое и интерпретируемое.

В *экспрессивном* же контексте это выражение аффекта, это «отреагирование» потребностной диспозиции, происходящее тогда-то и там-то в непосредственной ситуации. Оно может быть экспрессивным символом для *ego*, лишь, поскольку является выражением аффекта для *alter*, и наоборот. Если аффект сдерживается, если он не может быть выражен, то совершенно ясно, что в отношении данного аффекта действие не может быть для *alter* экспрессивным символом.

Другими словами, мы опять обнаруживаем, что соответствующие альтернативы этих двух типовых переменных являются случаями общего «принципа», который здесь сводится в конечном счете к тому, что должна быть осознана мотивационная значимость событий для действия: в одном случае — когнитивно, посредством интерпретации мотивационного значения акта, в другом — экспрессивно, посредством позволения мотивации прорваться в действие.

Качества и аффективная нейтральность связываются соответствующим образом. Качества объекта, в отличие от его исполнений, — это те его черты, которые нерелевантны для мотивации актора (если речь идет о социальном объекте, то это качества его самого как актора, если не любого актора вообще) и должны рассматриваться независимо от такой значимости.

С экспрессивной стороны, соответствующим паттерном является сдерживание, т.е. удержание потребностных диспозиций от «разряжения» в действие. Разумеется, ни один элемент мотивационной системы не может быть не связан с мотивацией. Но компоненты мотивационной системы вполне могут удерживаться в конкретной ситуации от [придания им] прямой мотивационной значимости.

Иначе говоря, они не мотивируют соответствующий специфический акт напрямую. Именно это мы имеем в виду под аффективной нейтральностью; потенциальный мотив не срабатывает в данной специфической ситуации. Функциональная необходимость этого для личности как системы уже была в

достаточной мере показана. Общим принципом здесь, понятное дело, является «нерелевантность» соответствующего *специфического* акта или последовательности действия для мотивации. Само собой разумеется, что это может быть лишь *относительная* нерелевантность и что непосредственно выраженная потребностная диспозиция динамически соединена с другими в системе.

Отсюда можно сделать важный вывод. Схема типовых переменных началась с пяти пар понятий. Было показано, что одна пара — а именно пара «я-коллектив» — имеет в релевантном здесь смысле производную значимость, хотя этот факт обладает фундаментальным теоретическим значением. Далее мы показали, что другие четыре пары благодаря связи, пронизывающей все эти пары, в *некотором* смысле и на *некотором* уровне сводятся *всего* к двум парам.

Это утверждение, разумеется, не следует толковать в том смысле, что различие «когнитивное—экспрессивное» утратило свою значимость; имеется в виду лишь то, что, рассматривая его систематически, мы можем увидеть некоторые связи между лежащими в его основе понятиями, которые прежде не были видны.

Когда мы это делаем, оказывается, что главная «ось» системы типовых переменных как системы сводится к вопросу о первичности — в рамках соотношения «мотивация-объект» — между *двумя парами* альтернатив организации компонентов действия на *самом* фундаментальном уровне. То, что это все-таки пары, необходимо ясно представлять и иметь в виду.

Первую пару образуют элемент генерализации в самом обычном смысле, т.е. «общие черты, не зависящие от специфических связей с партикулярным актором-объектом», и, наоборот, сфокусированность на партикулярных объектах как объектах, с одной стороны, и как фокусах организации мотивационных интересов, с другой.

Вторая пара вращается вокруг значимости того, что мы называли мотивацией, аффектом, «отреагированием» и т.д., с одной стороны, и тех аспектов системы или заключенных в ней факторов, с другой стороны, которые интерпретируются как независимые от этой референции.

Иными словами, различие «когнитивное-экспрессивное» дает нам одну из фундаментальных осей координат в схеме соотношения. Но наряду с этой осью, есть взаимодействие двух пар альтернатив, каждая из которых явно включает в себе *как* когнитивные, *так и* экспрессивные референции. Конечно, многие проблемы этим анализом еще не решены. Не может быть сомнений в том, что мы имеем дело с настоящей *системой*. Некоторые ее очертания, по всей видимости, достаточно ясны, но вместе с тем многое остается неясным.

Перевод В.Г. Николаева

Николаев Владимир Геннадьевич — кандидат философских наук, доцент, доцент социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Наш постоянный автор и переводчик.

ЛЕСЛИ А. УАЙТ

ПОНЯТИЕ КУЛЬТУРЫ¹

Никто из занимающихся культурной антропологией не подвергает сомнению то обстоятельство, что центральным понятием этой отрасли знаний является «культура». Но данный термин каждый понимает по-своему. Для одних культура — научаемое поведение. Для других — не поведение как таковое, а его абстракция. Для одних антропологов каменные топоры и керамические сосуды — культура, для других ни один материальный предмет таким не является.

Одни полагают, что культура существует лишь в сознании людей, другие считают культурой лишь осязаемые предметы и явления внешнего мира. Некоторые антропологи представляют культуру совокупностью идей, но спорят друг с другом по поводу того, где эти идеи обитают: одни полагают, что в сознании изучаемых людей, другие — что в сознании самих этнологов.

Далее следует понимание «культуры как защитного механизма физического мира», «культуры как совокупности составляющих «п» различных социальных сигналов, которым соответствуют «т» различных ответов», затем царит уже полная путаница и неразбериха. Интересно, как повели бы себя физики, если бы у них существовало столько же различных представлений об энергии!

Были, однако, времена, когда ученые имели более или менее однозначное представление о сущности и употреблении этого термина. В последние десятилетия XIX в. и в самом начале XX в. культурные антропологи разделяли по преимуществу точку зрения Э.Б. Тайлора, выраженную в первых строках «Первобытной культуры»: «Культура... слагается в своем целом из знания, верований, искусства, нравственности, законов, обычаев и некоторых других способностей и привычек, усвоенных человеком как членом общества». Тайлор не делает здесь акцента на том, что культура присуща лишь чело-

¹ Данная статья перепечатана из сборника переводов «Работы Л.А. Уайта по культурологии» (М., 1996), подготовленного к изданию С.Я. Левит и Л.А. Мостовой, которым редакция журнала выражает искреннюю благодарность. К сожалению, Л.А. Мостовой уже нет с нами. Публикацию этого цикла работ Л. Уайта мы посвящаем ее памяти, памяти человека и ученого, который так много сделал для формирования научно-информационного пространства в нашей стране. Перевод выполнен по изданию: White L.A. The Concept Of Culture // American Anthropologist. Wash., 1959. Vol. 61. P. 227—251.